

ВИКТОР БОНДАРЕНКО

ЛЕСТНИЦА В ЛАБИРИНТЕ

Виктор Бондаренко
Лестница в лабиринте

«ИТРК»

2017

УДК 82-344
ББК 84(2)6

Бондаренко В. Н.

Лестница в лабиринте / В. Н. Бондаренко — «ИТРК», 2017

ISBN 978-5-88010-473-4

Что определяет судьбу одного человека в лабиринте бесконечных сплетений с судьбами других? Способны ли мы влиять на происходящее или подчиняемся влиянию высших сил? Случайное прикосновение к некоторым тайнам человеческой жизни в детстве, заставило Григория Сертыщева изменять потоки событий в его окружении, оставляя без ответа «вечный вопрос»... Для широкого круга читателей.

УДК 82-344

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-88010-473-4

© Бондаренко В. Н., 2017

© ИТРК, 2017

Содержание

Глава I	6
Глава II	8
Глава III	17
Глава IV	18
Глава V	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Виктор Николаевич Бондаренко

Лестница в лабиринте

© Бондаренко В.Н., 2017

© Издательство ИТРК, издание, оформление, 2017

* * *

Посвящается моей супруге.

Полный романтического бреда, он стал даже думать, нет ли здесь какой-нибудь тайной связи с его судьбою: не связано ли существование портрета с его собственным существованием, и самое приобретение его не есть ли уже какое-то предопределение?

Николай Гоголь. «Портрет»

Глава I

Офис

На втором этаже московского офиса одной небольшой коммерческой организации, численностью до двадцати пяти человек, раздался телефонный звонок. Секретарша Зинаида, которая также выполняла функции офисного менеджера, ресепшиониста и даже иногда брала на себя обязанности курьера, подскочила к телефону, когда тот выдавал уже пятую трель. Она схватила трубку, но, к сожалению, безрезультатно: в трубке уже звучал монотонный унылый протяжный гудок. Зина посмотрела на большие часы на стене, висевшие прямо над ее креслом, и отметила, что те показывали без десяти десять – это означало, что официально до начала рабочего дня оставалось десять минут. «Значит еще перезвонят», – подумала молодая, энергичная девушка и плюхнулась в кресло, в котором и проводила практически все свое основное рабочее время. Кресло было большое и удобное из мягкой приятного кремового цвета кожи и размещалось рядом со стойкой ресепшн, являвшуюся по совместительству ее рабочим столом, у главного входа небольшой московской компании.

Нужно отметить, что офис был довольно просторный и светлый. Хотя здание было уже очень старое и по документам датировалось аж 1890-м годом постройки, сделанный пару лет назад основательный капитальный ремонт фасада и внутренних помещений прекрасно это скрывал. Располагалось оно по соседству с районной школой в тихом и уютном переулке, жизнь в котором протекала в своем особенном замедленном ритме, нетипичном для шумных артерий центральной части Москвы.

Сама организация, по всем рыночным меркам, была маленькой, но имела несколько постоянных крупных клиентов на сопровождении и уже несколько лет успешно, судя по налоговой отчетности, занималась разработкой в сфере информационных технологий. Зинаида работала в компании второй год и была студенткой четвертого курса Российского университета дружбы народов, очно-заочного отделения какой-то гуманитарной специальности, включающую изучение нескольких иностранных языков. Зина жила с родителями, но уже строила планы на самостоятельную жизнь после окончания ВУЗа. Девушкой она была аккуратной, очень ответственной и, конечно, любимицей в небольшом офисном коллективе. Она совершенно точно являлась центральной, во всех смыслах этого слова, фигурой компании: во-первых, располагалась она равноудаленно от всех кабинетов и фактически находилась в лучах пересечения всех коридоров, а во-вторых, ее касались детали всех происходящих процессов. Ну и по части всех сплетен, историй и тайн, зарождавшихся и живших внутри офисного организма, она была главным специалистом.

Зина достала из сумочки помаду, кисти, зеркало, тушь, карандаш для глаз и красный с перламутром пузырек, который оказался недавно купленным и еще совсем неопробованным новым лаком для ногтей. Все проходило по обычной схеме – нужно было тщательно накраситься и привести себя в абсолютный «порядок», чтобы начать очередной рабочий день во всеоружии. Вся процедура занимала не более шести-семи минут и осуществлялась каждое утро. Единственным предметом из инструментов для утреннего туалета, который никогда не покидал пределы рабочего стола, была обычная и уже давно используемая, но ни разу по своему прямому назначению, зубочистка, лежавшая всегда в одном из отделений на столе. Кончик этой зубочистки был полностью окрашен в черный цвет из-за постоянного контакта со слипшимися от туши длинными девичьими ресницами.

Весеннее солнечное утро ничем особенным не отличалось от остальных на этой неделе, поэтому все потекло по повседневному офисному сценарию. Зина, как всегда, была в офисе первой из сотрудников в силу своей чрезмерной ответственности, любознательности и выра-

женного синдрома отличника и приготовилась уже встречать улыбками разнообразные приветствия своих коллег, по которым, как ей казалось, она точно определяла их утреннее настроение и вообще боевую готовность на весь день.

После всех макияжных процедур Зинаида очень изящно взболтала флакончик с новеньким лаком, зажав его между указательным и большим пальцами. Ей пришлось приложить небольшое усилие, чтобы открутить колпачок-кисточку. Когда тот поддался, Зина принялась наносить густую пахучую жидкость резкими точными движениями, покрывая ноготок большого пальца левой руки равномерным слоем красного перламутра.

В офисе было светло, и в приоткрытую форточку одного из кабинетов, которая никогда не закрывалась, с улицы легким ветерком ворвалась долгожданная свежесть, а вместе с ней пронзительный рев назойливого, словно крылатое насекомое, мотоцикла, промчавшегося под окнами. То ли резкий звук мотора, то ли поток воздуха от внезапно образовавшегося сквозняка, словом что-то чуть не опрокинуло комнатное растение в глиняном тёмно-коричневом горшке, вокруг которого были обвязаны красные ленты с позолоченными и уже во многих местах потертыми иероглифами.

Кто и когда принес это растение, никто среди сотрудников уже и не помнил, но за ним по уже старой и доброй традиции тщательно ухаживали все, кто находился и работал с ним в одной комнате. Несмотря на то, что содержимое горшка поменялось несколько раз, сам же горшок и ленты вокруг него никуда не девались и, словно магические руны, охраняли и цветок в нем на всем сроке его жизни, и офисный кабинет, и, надо полагать, все находившиеся трудовые единицы в компании.

Горшок с растением, которое относилось к одному из видов толстянки, немного качнулся, но устоял на краю шкафа. Его пришлось специально сдвинуть к стене, внося небольшую суету и неразбериху в расстановку мебели для сотрудников. И все только для того, чтобы цветок получал достаточно естественного тепла и солнечного света.

Все, кто работал в этой комнате, занимались этим «деревом» и даже выработали своеобразный график дежурств, предполагая, что такое зеленое насаждение заметно очищает пространство вокруг от вредной городской пыли и московской дорожной копоти. Такая легенда полностью устраивала и успокаивала всех усердно бдящих дежурных.

Вслед за дрогнувшим горшком качнулось и его содержимое, и только несколько естественно подсохших листьев, которые имели обыкновение натурально опадать и скапливаться у основания ствола, полетели на пол, превращаясь тем самым в органический офисный мусор.

Зинаида приподнялась из своего мягкого кресла, посмотрела в дверной проем на «священное» офисное дерево и тут же резко зажмурилась от неожиданного солнечного луча-блика, который в сложной траектории скользнул по окнам соседних домов, отразился от стекла приоткрытой форточки кабинета и прицельно вонзился в карие только что накрашенные глаза.

Глава II

Путь на север

Ветер начинал усиливаться. Несколько листьев сорвало порывом с верхушек деревьев, и они, завертевшись, полетели на землю.

Макото слегка прищурился, перешагнул через поваленное почерневшее дерево и еще раз огляделся. Вырванные из земли засохшие корни с одного края ствола были похожи на щупальца огромного монстра-спрута. Лес уже заканчивался, и впереди сквозь деревья проглядывались луг и часть реки, а за ней на холме можно было разглядеть соломенные крыши домов местной деревеньки.

Вокруг было спокойно. Голод стал чувствоваться сильнее, в желудке появилась терпимая мягкая резь, и мысли о еде стали все чаще посещать молодого странника.

Впереди еще пять дней пути, если не сбавлять пеший темп. Неплохо было бы немного поспать, собрать силы и наполнить флягу питьевой водой. Последний бросок и жестокая жара, только усиливавшаяся изо дня в день, изрядно измотали. И появившаяся на пути деревня была очень кстати для того, чтобы остановиться на короткий отдых.

Двое суток Макото не принимал пищи и практически не спал. В такие моменты приходилось балансировать, делать небольшие передышки, и он чувствовал себя уязвимым. Такое исполнителю предписанного задания древнейшего ордена «Черной лилии» допускать было никак нельзя.

Восстановить силы стало необходимо. В город Саннохе нужно было успеть до прихода торговых судов. Макото был отправлен пешей тропой, через глухой лес, горы и реку там, где использование лошадей и других средств быстрого передвижения было практически невозможно. Его путь должен был занять семь дней против обычного десятидневного крюка по извилистым дорогам на лошади. Он шел первым и должен был успеть встретиться с посланником, чтобы окончательно определить зону влияния на северных территориях, куда уже выдвинулись с двух направлений отряды могущественного и сильнейшего от северного до южного побережья клана, к которому вот уже третье поколение принадлежал его род.

Макото еще раз осмотрелся и прислушался. Шелест листьев и скрип раскачивающихся деревьев – все было убаюкивающим и мелодичным. Несмотря на жару и удушающую духоту, ближе к опушке стало легче дышать. Освежающий и прохладный ветер с запада, который по всем признакам должен был вот-вот смениться дождем в ближайшие дни, добавлял немного надежды, что дальнейший отрезок пути станет легче, а с этим чувством прибавлялось и немного сил.

Макото сделал три глубоких вдоха и присел на ствол поваленного дерева. Несмотря на усталость и звенящий мышечный гул в ногах от высокого темпа передвижения, дыхание его было спокойным и ровным. Макото положил руки на колени и закрыл глаза.

В такие минуты он вспоминал своего отца и его абсолютную сдержанность во всем. Отец был всегда молчалив и очень точен в своих действиях. Его доспехи имели сложные золоченные узоры, и облаченный в них он становился величественным. Боль, страх, усталость, жалось, ненависть, злость и все другие чувства, известные любому воину, были спрятаны за маской непроницаемости его изрытого шрамами лица. Макото всегда смотрел на отца с завораживающей гордостью и необъяснимым внутренним волнением. Когда тот седлал своего черного коня или доставал тренировочный меч, метал копьё, охотился или проводил построения, у юного Макото перехватывало дыхание. Он чувствовал его силу, принимал и выполнял беспрекословно все команды мастера-учителя. Взрослея, он только сильнее культивировал в себе желание быть достойным воином в глазах родителя и страстно мечтал увидеть на его лице

выражение гордости за собственного сына. Макото понимал, что это будет практически невозможно, но точно знал, что он сможет каким-то образом это понять и почувствовать.

Сейчас нужно было сделать короткую паузу и быстро оценить свое внутреннее состояние. Под ногами ощущалась мягкая земля, покрытая травами, и можно было уловить нотки дыма из печей и от костров, которые жгли где-то недалеко крестьяне. Все заглушалось насыщенным и терпким запахом от густого ворсистого мха, покрывающего подгнивающую древесину поваленного ствола, на котором расположился Макото.

Высокие деревья на краю опушки выглядели как магические воины, охраняющие заповедный и таинственный мир леса. Редкие небольшие облака двигались на голубом небе, которое вспыхивало от беспощадного солнца сквозь звенящую листву. Большой рыжий муравей подхватил давно опавший и уже засохший коричневатый лист дерева и стал сразу заметным.

Скрипнула где-то ветка, и вся армия насекомых, разоблачаясь, стала проявляться на фоне травы и папоротников и издавать шуршащие, жужжащие и стрекочущие звуки. Макото поднял голову. Юркая птица вспорхнула с высокой ветки и, заложив вираж на крыло, взметнулась к солнцу и растворилась в нахлынувшем, словно цунами, потоке солнечного света. Он сидел с закрытыми глазами, но голова его была вскинута и повернута к солнцу. Красный огонь мерцал сквозь веки, и звуки в лесу вокруг стали объемными. Макото ощутил, как бьется его сердце, как стучит где-то дятел, как напряжены его мышцы ног, как медленно раскачиваются высоченные деревья, как ровно его дыхание и как медленно плывут по небу облака. Вдох и выдох, вдох и выдох. Почувствовался слабый ветерок.

Но вот мысли перестали разбегаться, все обернулось внутрь и тут же слилось с природой вокруг. Равновесие снова вернулось к юному воину. Стало чуть легче. Нужно было двигаться дальше.

Приоткрыв глаза, он посмотрел на кусочек неба и заметил проплывающее на нем единственное облако, выглядевшее словно одинокий лист в потоке ручья или маленькая рыбацкая лодка в тихой заводи. Солнце играло лучами сквозь покачивающиеся на ветру пышные ветви деревьев. Листья задрожали от очередного порыва, все замелькало, задрожало и снова пришло в движение.

Деревья, которые были ближе к уже виднеющейся поляне, стали изгибаться и с пронзительным скрипом впрыскивать чудовищные звуковые инъекции в монотонный шум леса. На землю, где-то рядом, грохнулась обломившаяся сухая ветка. Макото встал и достал из-за пояса небольшой матерчатый серый сверток, ткань которого когда-то была темно-фиолетового цвета, но со временем утратила как цвет, так и прочность. В изгибах были сильные потертости, и по краям торчали нитки-лохмотья. Он посмотрел на сверток и аккуратно дотронулся до него. Не разворачивая его, Макото еле заметно улыбнулся и снова закрыл глаза. В это мгновение его сознание отключилось и тут же вернулось к нему, отразившись от каких-то глубоких и скрытых внутри воспоминаний. Он почувствовал разливающееся по телу тепло, которое внезапно возникло на кончиках его пальцев.

Вздохнув полной грудью, он спрятал сверток внутрь плечевой накидки, а затем сделал несколько резких дыхательных упражнений и один глубокий вдох, который пропустил между двумя ударами сердца, и уже сосредоточенно двинулся к виднеющейся поляне, наступив на сухой ползучий лист, под которым трудился рыжий муравей.

Макото направился к ближайшим домам, краями своих крыш выступавших из-за холма. Солнце обрушилось на него сразу, как только он покинул пределы леса, и, казалось, пыталось его остановить, ослепляя разливами яркого света. Макото, несмотря на мешавший ему свет, тут же определил двух крестьян на левой стороне холма, где начиналась деревня. Сделав еще несколько шагов, он разглядел тропинку, которая по всем признакам вела именно в деревню, и он немного замедлил шаг. Нужно точно обозначить себя издалека и дать возможность подготовиться к встрече местным обитателям.

Раздался крик маленькой птички желтобрюшки.

«Заметили», – подумал Макото и переложил руки на пояс. Слева вдалеке он увидел маленького мальчишку, пустившегося со всех ног в сторону леса на другом конце поляны.

«Теперь нужно просто вести себя спокойно и не подозрительно», – подготовил себя Макото и стал заметно прихрамывать на левую ногу. Старый и практичный прием. Нужно выглядеть уязвимым, а значит максимально безопасным со стороны наблюдателей, чтобы избежать лишних недоразумений. Время было беспокойным, и из-за постоянных переделов этих земель образовалось множество разбойных группировок, грабивших небольшими кучками маленькие поселения, которые выпали из зоны внимания трех могущественных кланов.

Солнце было неумолимо, и на открытой местности становилось слишком жарко. Два меча, что были за поясом, обрели свое положение в пространстве. Это чувство возникало всегда, когда Макото встречал людей, которые проявляли к нему хоть какой-то интерес. Постоянная концентрация и обостренное внимание возникали рефлекторно, стоило только заметить или почувствовать чуть задержавшийся взгляд незнакомца.

Макото разглядел всю нитку тропинки, которая уводила на холм, где уже стояли двое, и продолжал идти, не меняя темп и все также прихрамывая на левую ногу. Он приближался к встречающим.

Один из дозорных охранников поднял копье и направился ему на встречу. Это был мужчина лет сорока с очень четкой и уверенной походкой, с сильно загорелым лицом, несмотря на соломенную шляпу, традиционно носимую местными. Когда они сблизилась, Макото заметил в уголках его глаз белые полосы, которые остаются от морщин, приобретенных из-за частого наблюдения в прищур и постоянного пребывания на солнце.

– Мое имя Макото, я из клана «Черной лилии» и направляюсь в Саннохе с предписанием. Отведите меня к своему старосте, – четко и громко произнес воинственный странник, вышедший из леса.

Человек в шляпе и с копьем осмотрел Макото, его мечи, золотую нашивку все тем же прищуренным взглядом быстро оценил ситуацию вокруг. Снова раздался крик желтобрюшки, и опытный охранник с копьем сделал почтительный поклон.

– Да, господин. Пожалуйста, следуйте за мной, – и быстро развернувшись, он повел молодого воина в деревню.

Макото приподнял подбородок и последовал за ним, при этом заметив, что его новый спутник придерживал копье на весу и ни разу не сделал на него упор во время короткого разговора. Макото продолжал держать руку на рукоятке меча.

Второй дозорный, чуть поменьше ростом и без видимого оружия, замкнул их цепочку и проводил образовавшуюся таким образом колону до начала деревни. Как только появились дома и улицы небольшого поселения, он растворился за одним из поворотов.

Уже вдвоем, Макото и его сопровождающий, прошли мимо нескольких домов, вокруг которых не было ни души, но Макото ощущал на себе любопытные и взволнованные взгляды, которые бросали на него местные жители из темных окон своих хижин. Это немного забавляло его: он уже не раз посещал такие деревни и совершенно спокойно воспринимал все проявления осторожности и бдительности местных крестьян. Для себя он с еле заметным сожалением понимал, что эти люди обречены, поскольку через четырнадцать лун тут пройдут воины северного клана и, скорее всего, разорят эту деревеньку до основания. Такова была жестокая реальность в моменты территориальных конфликтов и очередных разделов земель.

Дом старейшины был не самым большим, но зато очень аккуратным по отношению к другим. Двор был очень чистый и ухоженный. После всех церемоний Макото пригласили войти внутрь. В доме пахло седой травой, которая растет на болотах. Обычно из нее варят мазь для суставов и иногда добавляют в блюда из речной рыбы, приготовленной по особому южному рецепту. Голод снова напомнил о себе, и внутри протяжно потянуло.

Старик – хозяин дома, суетился и проявлял старательно заботу к незваному пришельцу, при этом он ни разу не выпустил Макото из поля своего зрения и внимательно рассматривал его нашивки. Почти лысый, с темными пигментными пятнами на морщинистой коже головы старик аккуратно кланялся и был добросовестно уважителен и любезен.

Воин удобно расположился для беседы и достал свой веер.

Копьеносец остался возле дома и переложил свое оружие на плечо. Из-за угла выскочил мальчишка и подбежал к одинокому стражу. Он что-то быстро буркнул наклонившемуся к нему охраннику и снова куда-то исчез.

Деревня стала потихоньку оживать и наполняться звуками. Стало слышно, как в соседнем доме заплакал ребенок. Чувствовалась легкая и еле уловимая суэта из разных мест, да и в целом, какие-то движения вокруг. Возле сарая кудахтали и хлопали крыльями курицы, а где-то за домами стали раздаваться звуки раскальвающих дров.

Охранник присел на колени и потрогал песок, на котором остался след ноги Макото, приложил свою ладонь руки к отпечатку, а затем быстро разровнял землю.

В окне дома, где расположились собеседники, он видел лишь краешки голов, но даже это давало опытному наблюдателю совершенную ясность, что разговор происходит хорошо. Старик постоянно кланялся и исчезал из поля зрения, как поплавок в момент поклевки.

Охранник скинул свою шляпу на спину, и та повисла на его шее, держась на узелке, который уперся ему в кадык. Он внимательно огляделся вокруг, посмотрел на тропинку, по которой они пришли к дому, и еще на соседние улицы. Все было спокойно, в тени от дома, было прохладно, а в доме старика все еще продолжалась беседа.

Через некоторое время, на пороге появился старейшина и его гость-собеседник.

– У мельницы есть такое место, тихое и удобное для отдыха. Дом мельника стоит у самой реки, – старик говорил и кланялся, затем жестом дал сигнал копьеносцу, который уже снова держал на весу правой рукой свое оружие.

Макото вышел из дома и, не оборачиваясь, проследовал за бдительным и молчаливым охранником. Видно было, что это был опытный наемник, но из дешевых. Вероятно, он поселился в этой деревеньке недавно, охраняя ее за еду в сопровождении своих родственников или сыновей, вынужденных осваивать опасное ремесло охранника.

Дом мельника, куда направил гостя старик, действительно стоял в живописном месте и настолько гармонично вписывался в местный ландшафт, что, казалось, будто сама природа сотворила его тут в угоду бурлящим потокам реки у соснового леса. По словам старосты, в доме была всего одна женщина – дочь мельника.

Когда они спустились к реке и подошли к дому, Макото огляделся. Возле мельницы лежала старая лодка, перевернутая вверх дном. С одной стороны нее была дыра, из которой пробивалась трава, а вокруг на просушку лежали сети и две пустые бочки. Обе также стояли вверх основанием, и было видно, что ими пользовались очень давно.

Между домов стояла повозка с мешками. Двое худощавых, но жилистых ребят молча и старательно укладывали их между собой. Никто не посмотрел в сторону гостей, видимо, всех уже предупредили, и внешнее любопытство к страннику никто нарочно не проявлял.

Охранник подошел к двери и постучал. В открывшемся проеме показался очень крупный и весьма пожилой мужчина в фартуке, обсыпанным мукой. Он заулыбался, но были видны его сильное волнение и страх.

– Пожалуйста, заходите, – сказал суетливый мельник и поклонился, – ночлег, еда и вода стоят всего две монеты, господин.

И он стал прятать глаза, продолжая сильно смущаться.

Макото выдержал небольшую паузу и кивнул. Мельник в ответ еще раз поклонился, украдкой посмотрел на новоиспеченного постояльца, его нашивку и крикнул:

– Симэ! Проводи гостя. Быстро!

Макото достал привязанный к поясу кошелек и отсчитал две монеты, которые растворились в пухлой руке грузного хозяина.

Макото в сопровождении молодой девушки подошел к маленькому домику возле мельницы, обернулся и посмотрел на повозку. Мельник прикрикивал на работников, давая им какие-то указания и команды. Все вокруг вернулось в русло обычной жизни. Запряженная в повозку лошадь была старой и, часто фыркая, мотала головой, стараясь отгонять от себя назойливых мух. На мгновение Макото почувствовал себя инородным телом в слаженном организме, которым представлялась ему местная деревня. Все двигалось и подчинялось своим правилам, и это, с одной стороны, успокаивало, а с другой, где-то глубоко внутри, дергало за какие-то невидимые струнки и вызывало ощущение тревоги. Это были ноты одиночества и постоянной оторванности, музыка которых была терпимой, но грустно болезненной для организма молодого воина из клана «Черной лилии». Что-то внутри в такие моменты натягивалось, воздух становился приторным, а слух обостренным. Такое происходит перед поединком, когда все ощущения становятся во много раз острее, а мысли и вовсе исчезают, отступая перед системой приобретенного подсознательного поведения. Он почувствовал, как в его пальцах снова что-то кольнуло. И тут же это чувство испарилось. Макото вспомнил своего черного скакуна, по которому сильно скучал и с которым не любил расставаться надолго.

Он оглянулся, рядом стояла девушка с аккуратно зачесанными за уши волосами. Ее взгляд был опущен, но казалось, что она целиком и полностью видит все ее окружающее, и, конечно, целиком поглощает молодого воина-путника, который был любопытнейшим экземпляром представителей людей из соседних и далеких миров. Макото как-то по-детски и чуть заметно улыбнулся, но его напряжение не исчезло, хотя все вокруг становилось каким-то мягким, безобидным и оттого приятным. Он произнес:

– Проводи меня. Я очень проголодался и хочу отдохнуть.

Девушка молча поклонилась и повела за собой гостя. Помещение уютного сарая было просторным и пахло хлебом. Приятный запах, удивительно тонкий и легкий. В такие моменты из глубин прошлого поднимаются и накатывают детские воспоминания. Всплыли яркие солнечные дни и теплый летний ветерок, который кружил листву возле старой мельницы в том месте, где вырос Макото. Это были приятные моменты, в которых уже ничто не могло измениться.

Трапеза была короткой. Рис, рыба и несколько лепешек буквально вернули ему все потраченные по пути силы. Макото быстро справился с едой и растянулся на полу. Он посмотрел на потолок. Веки его закрылись, и он почувствовал движения окружающей его системы. Это были механизмы мельницы, ее шестеренки и колеса, хлюпанье по лужам ног нерасторопных работников возле телеги, перегружавших мешки, шелест листьев деревьев на берегу реки, всхлипывание воды от набегающих волн и постукивание привязанной к пирсу лодки о деревянные столбы пристани. «Тук, тук, тук-тук» и с очередной волной быстро наступил долгожданный сон. Реальность попала под жернова мельницы и пылью взметнулась в бездну, превращаясь в тысячи капелек, которые закружились в спирали вечернего ветра, и единым порывом снова ворвались в сознание Макото. Проснувшись и открыв глаза, он почувствовал огромный прилив сил. Солнце уже пересекло границу леса и оставило в разводах облачного неба рыжие отблески ярко-красного заката, затухавшие на глазах. На востоке виднелись первые звезды, а с реки потянуло вечерней прохладной свежестью.

Макото вышел и присел на крыльце сарая, рассматривая привязанную лодку. Он услышал шарканье мелких шажочков. Так передвигаются только женщины. Дочь мельника все это время наблюдала за сараем из окна дома и, как только заметила пробуждение таинственного гостя, понесла ему чашу освежающего питья и теплую лепешку.

Макото снова улыбнулся. Энергия разливалась по его телу, и ему было хорошо. Он вернулся в сарай и без лишних разговоров приступил к еде. В это мгновение он почувствовал робкий и очень цепкий взгляд.

Макото приподнял голову и увидел, что девушка решительно смотрит на него и в глазах ее уже давно застыл какой-то вопрос, который она с нетерпением готова была задать в подходящий момент. Так и произошло:

– Я могу с вами говорить? – спросила она очень тихо, озираясь по сторонам.

Такое поведение совершенно не свойственно и даже неуважительно. Тем более девушкам и особенно деревенским. Возможно, отсутствие матери и постоянное нахождение в орбите любящего отца, к тому же в роли единственной хозяйки дома, стерли границы приличия и волнительный страх в ее разговорах. Конечно, она уже давно стала завидной невестой на всю деревенскую округу и получала много знаков внимания. Сильная отрешенность от внешнего мира и отсутствие должного родительского внимания оставили пятна в манерах и поведении этой юной девушки. Но Макото был в хорошем расположении духа. Уголок брови его приподнялся, и выражение его лица превратилось в вопросительную гримасу. Он махнул ей рукой, давая понять, что готов побеседовать с умильно любопытным созданием.

Девушка еще раз робко оглянулась вокруг и тихонько присела напротив на колени. Она быстро закинула прядку, непослушно выбившуюся из собранного пучка, и снова задала вопрос:

– Вы идете в город?

Макото снова расплылся в улыбке. Что-то совсем естественное и неподдельное было в его собеседнице:

– Да. Мой путь лежит к северному берегу.

– Ваши мечи и одежды – это предметы достойных воинов одного из кланов? – продолжила допрос девушка.

– Ты знаешь, как выглядят воины кланов? – сделал встречный выпад Макото.

– Нет, – она немного запнулась, – но из Чанхоу раз в месяц на двадцатую луну к нам приезжают три всадника. У них есть мечи и защитные повязки, как и у вас. Они собирают подать с деревни, и отец говорит, что это гарантирует нам безопасность.

Девушка открыто улыбнулась, и в глазах ее мелькнул огонек. Ей нравилось, что завязался такой разговор, и она совершенно не скрывала своих эмоций. Макото с любопытством посмотрел на нее, поставил миску с питьем и отломил кусок хлеба. Ему было просто и легко, его напряжение и усиленное внимание тоже попали в зону отдыха, которому было отведено равное количество часов и минут в четком графике бесстрашного воина, выполняющего ответственное задание.

– У вас хорошее расположение, – сказал Макото и сделал круговое движение рукой будто охватывая всю деревеньку.

Он продолжал размахивать рукой, в которой был хлеб, все еще удивляясь про себя, как хорошо и связано поставлена речь у деревенской девушки. Возможно отец уделяет ее обучению много времени.

– Деревня стоит на высоком склоне. А единственная возможность подойти к деревне незаметно с восточной стороны леса отрезана рекой. Имея таких ребят, которых я видел, вы защищены от незваных гостей и мелких неприятностей.

И Макото подмигнул и еще как-то неожиданно хмыкнул, как бы обозначив себя в этой роли. Однако за этим движением было осознание того, что скорее всего эту деревню ждет жестокая расправа стихийно обрушившегося на эти территории возмездия. Ему было неприятно понимать это сейчас, но древние правила и строгие принципы быстро стирали подобные эмоции и мысли из головы, как набегающая морская волна стирала оставленные на самом краю песчаного берега следы.

– Однажды отец возил меня на ярмарку, и по дороге в город нас сопровождали, – девушка отвела взгляд и стала говорить немного тише.

– Сразу за лесом на дороге лежал человек в луже черной крови, а на спине у него был огромный порез. Один из воинов, который был с нами, взял мертвеца за руки и сбросил в канаву. Тогда я страшно испугалась и всю дорогу держала отца за руку.

Макото внимательно посмотрел на собеседницу и снова что-то скрипнуло внутри одновременно со старым колесом водяной мельницы.

– Что напугало тебя? – спросил воин.

– Мне стало страшно. Меня напугала смерть, которая коснулась этого человека.

– Давно это произошло?

– Прошлой осенью, – девушка говорила, не поднимая головы.

Макото взял чашку и сделал большой глоток теплой настойки. В воздухе проявился вопрос о том, чего боятся все в юном возрасте и который касается неизведанного и непонятного. Что так или иначе касается каждого человека, но, как водится, каждого по-разному.

– Посмотри вокруг! Что ты видишь? – играючи спросил Макото уже абсолютно смутившуюся и дрожащую от страха девушку.

Та еще больше испугалась. Она вопросительно посмотрела на Макото, и ее глаза стали немного округляться, но она оглянулась.

– Видишь вокруг деревья? Приходит осень, и они сбрасывают свои листья, которые падают на землю и затем медленно умирают. Луговые цветы сбрасывают свой цвет и лепестки, а затем наполняются семенами, и все это происходит, чтобы наполнить мир новой жизнью. Так устроена природа, и так будет всегда.

Девушка все еще стеснялась, но с все нарастающим интересом слушала своего собеседника. Она похлопала ресницами, вероятно, не совсем понимая смысл этого объяснения.

– Листья? – переспросила она. – На деревьях?

– Бывает, что сильный ветер срывает зрелые зеленые листки и уносит их задолго до того, как наступает их черед упасть в осенние лужи, – перебил ее резко Макото и посмотрел задумчиво куда-то.

– А цветы? – еще раз спросила девушка, еще больше запутываясь в этом разговоре.

– И цветы, – Макото сделал паузу и посмотрел внимательно на удивленное лицо девушки. Он дотронулся до пояса, где находился заложенный серый сверток, и на мгновение закрыл свои глаза. Затем он сделал вдох и вновь посмотрел на девушку, но уже полностью изменившись в лице.

– Не все цветы умирают, – он немного прищурился, и в его взгляде мелькнул огонь. Что-то внутри него перевернулось, и это новое и неожиданное состояние стало грубым и колким.

– Цветы остаются. Их уникальный запах очень глубоко проникает в нашу память и воспроизводит их красоту так, как мы ее запомнили. Правильно срезанные цветы засыхают так, что сохраняют свою прежнюю красоту и очарование. Они как слепок времени несут в себе прекрасный узор сотканного полотна мгновений и возвращают нам всю гамму своих неповторимых красок в гармонии своего короткого существования.

Словно неожиданно услышанная мелодия, исполняемая сотней музыкантов, ворвалась эта речь в сознание юной девушки. Глаза ее уже раскрылись полностью, и она не контролировала свое удивление от услышанного. Она раньше никогда не слышала такую речь и такие слова. Макото заметил это и хотел продолжить, но тут раздался сильный грохот, и дом содрогнулся. Звук сильного удара волной распространился от пирса до ближайших домов в деревне.

Макото поднялся и увидел через окно огромную корягу, которую течением разогнала река и в неуклюжем развороте вонзила между основанием сваи пирса и привязанной к ней лодкой. Как сигнал военной тревоги, этот неожиданный звук ворвался в завязавшуюся беседу и прервал ее. И в эту самую секунду Макото представил, как горит этот дом, кричат вокруг люди

и всадники-воины добивают каждого, кто пытается спастись бегством или подает признаки жизни в этом обреченном месте.

Он изменился в голосе и сосредоточено произнес:

– Пора мне двигаться дальше. Меня ждет дорога на север.

Его глаза и лицо уже не улыбались, и он стал серьезен. На его лицо упала маска бесстрашного воина клана «Черной лилии». Он вспомнил отца верхом на скакуне и своего верного черного коня-друга. В их клане выращивали только таких лошадей, редкой и дорогой породы. Эмоции исчезли, и мечи снова обрели себя в пространстве.

Девушка сильно расстроилась. Глаза ее наполнились тревогой, и она с мольбой посмотрела на Макото. Она уже вдохнула, чтобы что-то спросить или сказать, но все-таки опомнилась, понимая, что этот разговор закончен. Она покорно встала, и ее взгляд снова устремился в пол.

Макото вдруг неожиданно и сухо произнес:

– Какие ты любишь цветы?

И девушка вновь брызнула улыбкой.

– Я редко их вижу. Наши луга вспахивают рано. Быстрее, чем на них что-то успевает прорасти. На другом берегу в заводи растут очень дивные кувшинки, – с каким-то детским восторгом произнесла девушка.

Тут Макото присел на колени и левой рукой достал из обвязки старый серый в лохмотьях сверток. Он медленно и осторожно стал его разворачивать, и в его ладони возник сплюснутый цветок засохшей лилии. Лепестки ее были слегка желтыми, а в основании были разбросаны маленькие коричневые крапинки в виде крошечных капелек, которые напоминали чем-то веснушки молодой девушки. Форма листьев была очень ровной, казалось, что какой-то художник выводил грани каждого лепестка тонкими кистями, складывая идеальную форму раскрывшегося в весенний солнечный день прекраснейший бутон лотоса.

Девушка слегка прикоснулась к нему, но так и не произнесла ни слова. Что-то дернулось и колыхнулось в ее груди. Какой-то струйкой новое чувство обожгло ее обыденное существование и растеклось теплой волной во все неизвестные уголки ее внутреннего пространства. Одна мысль о том, что это был когда-то живой цветок, пробудила яркую вспышку восторга, который бывает от брызг ледяной воды ручья жарким летним днем. Разбиваясь об огромные камни и подхватываемые неугомонным ветром, мелкие капельки воды долетают и нежно прикасаются к раскаленному лицу. Какая-то невероятная радуга ощущений развернулась двойным кольцом и мгновенно поразила своим величием и радостью природной гармонии ее внутреннее воображение. Это было мгновение детского чистого сна, который выталкивает тебя на поверхность реальности в момент пробуждения и тянется длинной нотой в течение нескольких секунд, настраивая новые ниточки сплетенного сознанием ощущения действительности, по которым разбегаются новые мысли.

Девушка улыбнулась. И в это мгновение она уже забыла, что так ее расстроила недосказанность интереснейшего собеседника. Звук воды, монотонная музыка вращающего колеса мельницы и ветер вдруг стали осязаемыми и легкими. Все растворилось в бурной реке и теплым паром потянуло вверх в небо, преломляя энергию отраженного света появившейся луны и затухающего солнца, сливаясь в одной искре разноцветного дыхания леса. Время и мысли, все улетело и лопнуло, мелкие брызги мельчайшими частицами, смешиваясь с насыщенным речным воздухом, посыпались на землю, и на воду, и на теплое молодое тело, в котором быстро угасал огонек жизни. Девушка лежала неподвижно. Открытые большие глаза и приоткрытый рот застыли в какой-то непринужденно-радостной гримасе. Казалось, что ей приятно и отчего-то совсем хорошо. Только огромная лужа бордовой крови быстро стала расплзаться по деревянному полу из рассеянного ударом мастера тела. Все было исполнено безупречно, выпад и молниеносный хлесткий удар катаны рассёк жизненную систему артерий, органов и сосудов. Голова ее была повернута к выходу, волосы все также зачесаны за уши, и глаза, в которых отра-

жались блики от перелива волн бурлящей реки, казалось, еще смотрят как-то вопросительно на вечное движение колеса мельницы.

Ветер стал усиливаться, исполняя в камышах траурную сонату. Резким порывом он обрушился на деревья, и тысячное шуршание листьев в симфонии разлетелось и закружилось по холму. Мощный поток ветра стал подниматься с реки. Листья задрожали и взяли новую партию в лесной филармонии. И в этом диком и свирепом оркестре стихийного вальса один сорвавшийся зеленый лист полетел высоко вверх и затем плавно опустился на воду. Он ринулся в потоке течения в сторону уже удаляющегося вдоль шумной реки путника, который спешил к северному берегу, к городу Санохе, исполнять предначертанное.

Воин шел быстро. На лице его была сосредоточенность точно осознаваемой цели. Он не думал ни о чем другом, кроме необходимости успеть в порт в назначенный срок. Все механизмы внутри воина перезапустились и работали в полную силу, набирая новый темп. Вспышкой молнии промелькнула мысль о том, что юную девушку, это нежный цветок, не коснется ужас расправы, которую вместе со страшным ливнем уже совсем скоро принесет в деревню стихия северных кланов.

Глава III

Часы

Зина насколько могла вытянула левую руку, раздвинула пальцы и стала любоваться новыми оттенками бордового. По линии ее вытянутой руки, с уже аккуратно покрашенными ногтями, на ее рабочем столе красовалась икебана в черной вазе с изображением двух золотых драконов, которые сплетались друг с другом в виде перевернутой восьмерки и, вероятно, символизировали бесконечность в какой-то своеобразной восточной манере. Цветы в вазе были сухие и хрупкие, поэтому ваза стояла в самом отдаленном, то есть недоступном для случайных прикосновений месте. В центре цветочной композиции располагался крупный лотос, который имел своеобразный коричневатый оттенок. И посетителям, и сотрудникам, да и вообще всем, кто хоть раз обращал на него внимание, совершенно было непонятно то ли это был тончайший пластик, то ли композитная бумага, или это какая-то чудом уцелевшая, основательно засохшая органика.

Девушка увлеклась процессом с новым лаком и уже старательно работала над пальцами правой руки, аккуратно нанося, но уже чуть менее точными мазками, слои на указательном пальце. Мельком она посмотрела на небольшой перекидной календарь-треугольник, стоявший рядом с телефоном. Этот календарь достался ей из одного новогоднего офисного подарка и уже давно устарел, но как-то сам собой затерялся на ее столе и никак не мог добраться до помойки. На нем были изображены какие-то три причудливые обезьяны, которые играли в чехарду. Обезьяна в центре рисунка стояла на четвереньках и прижималась к земле. Через нее перелетала другая, скалясь при этом, она упиралась обеими лапами ей в спину. Ее голова была задрана вверх, а торчащие зубы были непропорционально огромными. Третья обезьяна бежала в конце и догоняла веселую парочку. Она совершенно выпадала из композиции и от того казалась самой несчастной.

Зина подула на пальцы, и ее взгляд коснулся электронных часов, которые также расположились на столе и дублировали показания больших настенных за ее спиной. Циферблат у них был темно-красным, и между часами и минутами монотонно прыгали две точки. И эти часы, как и те что на стене, показывали сейчас точное московское время – без пяти минут десять.

Снова зазвонил телефон, и кончик секундной стрелки на большом круге циферблата настенных часов, который двигался с неизменяемой скоростью, пересек отсечку напротив арабской цифры восемь.

Глава IV

Утро

На электронном табло будильника цифры выстроились в последовательность 08:55, и в комнате резко заиграла музыка. Играли джазовую композицию на радиостанции, которую Григорий Сертыщев настроил накануне вечером перед сном.

Просыпаться под будильник, как и всегда, было неприятно. Прерывание связки естественных процессов во сне не доставляло Грише больших радостей, только если в отдельных редких случаях, которые бывают в периоды значимых ожиданий или во время кошмаров.

Когда будильник вырвал его из сна за пять минут до того, как наступит ровно девять часов утра по Москве, что-то волнительное и неопределенное кольнуло его в самое сознание, в тот самый миг, когда еще происходит идентификация собственного местоположения в реальности. Или, как говорят в таких случаях, появилось нехорошее предчувствие. Конечно, когда вечером Григорий выставлял цифры будильника, он нарочно оставил себе несколько дополнительных минут в надежде сделать пробуждение плавным и перетекать, смешиваясь с настоящим, аккуратно, чтобы не повредить осознание гармоничного существования, да еще и успеть провести быстрый анализ сюжетной линии сна с прошедшими переживаниями.

Но, как бы то ни было, Григорий быстро слился с окружающей действительностью и принял на диване вынужденное положение сидя, свесив ноги в синих носках. Глаза были еще закрыты, и он настраивался на предстоящий день.

– Доброе утро!

Григорий дернулся. Что-то скрипнуло и треснуло в его голове. Он повернулся и увидел в кресле, которое стояло справа в метре от дивана около окна, огромного зеленого крокодила. Тот вполне умещался себе полностью в кресле и сидел так, что одними задними лапами упирался в сидение возле боковых подлокотников, а вторыми держал утреннюю газету, которая из-за яркой цветовой палитры больших заголовков с избытком пошлая рекламы явно отдавала дешевой бульварщиной.

На громадной зеленой рептилии была надета изумительная голубая рубашка и темный галстук в белый горох, а сверху еще зачем-то нахлобучена кашемировая шляпа. Вертикальные зрачки-прорези в его хитрых глазах были сдвинуты к носу, а пасть была немного приоткрыта. Внешне вся эта картина очень даже походила на то, что зубастое создание действительно увлеченно читает газету. Ниже рубашки у крокодила ничего из одежды не было, и только длинный хвост раскатывался от кресла и заканчивался уже на полу.

Чудовище слегка развернуло голову, и молнией брызнул разрез зрачка ближнего к Григорию крокодильего глаза. Он переливался утонченным малахитовым узором от едва возникшего утреннего лучика света, проникающего из задернутых на ночь занавесок.

– Доброе утро! – еще раз повторил крокодил и уже совсем развернул свою огромную морду в сторону уставившегося на него испуганного визави.

Чувство неожиданной абсурдности происходящего все еще сопровождало Гришу, и он на выдохе хрипло произнес:

– Привет.

Приветствие не удалось и получилось сдавленным на последнем слоге. И еще в выражении его лица появилась раздраженность, происхождение которой было пока неопределенно. Или это было то самое и необъяснимое предчувствие, которое нахлынуло с пробуждением и совсем его не обмануло, или то, что ему просто не удалось выспаться и он покинул объятия Морфея в не самой удачной фазе своего сна. Сейчас было понятно только одно – этот день начался для Григория плохо.

Он прокашлялся и настроил свой голос для разговора. Конечно Гриша еще по-утреннему хрипел, но говорил вполне разборчиво:

– Крокодил? Что-то совсем особенное, – Гриша взял короткую паузу и, немного улыбаясь, добавил. – Такой большой и еще в одежде.

Явление напротив, хоть и имело природу скорее мистическую или метафизическую, но судя по тому, как в разговоре двигались челюсти рептилии, а они не двигались вообще, было совершенно ясно, что ответной улыбки, даже крокодильей, собеседник наверняка не получит.

– Будь я маленьким крокодилом, ты бы меня не заметил.

И зеленое создание опять стрельнуло молнией из огромного глаза, которым оно и разглядывало сидевшего на диване в трусах и синих носках опухшего спросонья Гришу. Затем крокодил неуклюжими на вид лапами, в которых как-то размещалась газета, довольно проворно одернул разворот и всем своим видом продемонстрировал интерес к ее содержимому.

Григорий стал ладонями растирать свое лицо, разгоняя кровь и стараясь быстрее взбодриться. Он не очень любил такие сюрпризы и после массажа лица и протирки глаз уставился на свои носки, в которых он имел привычку часто засыпать.

– Ну, мы давно не встречались, – сказал крокодил.

Григорий поднял взгляд на рептилию, и ему показалось, что на ее морде присутствует подобие ухмылки. И все же было совершенно необъяснимо, как вообще происходил этот диалог. Слова и звуки вылетали из пасти, которая практически не шевелилась. Все это напоминало какой-то чудовищный сеанс чревовещания.

– Тебя напугал мой внешний вид? Ты же знаешь, я не могу являться в образе людей. Впрочем, я могу быть к ним совсем близко.

Газета снова вздрогнула в зеленых лапах, и Григорий тоже слегка подпрыгнул. То, что было секунду ранее крокодилом и бог знает как размещалось в кресле, превратилось в момент в огромную гориллу, которая оставалась в кресле все в той же рубашке и все в той же неуместной кашемировой шляпе, только теперь еще к ней добавилось нелепое перо. Также, ко всему прочему, появились штаны и очки в толстой черной оправе. Очки были без стекол.

От крокодила в новом собеседнике Григория были только блестящие ботинки из зелено-коричневой огненной кожи и, возможно даже, из натурально крокодиловой.

– Как тебе?

– Уж лучше аллигатор, – удивляясь, произнес Григорий.

– Крокодил! – поправила его обезьяна в кресле.

Голос, кстати, при трансформации из рептилии в примата совсем не изменился. Его Григорий узнавал всегда, поскольку во всех образах он был одним и тем же.

– Впрочем, не важно. Чем тебе не нравятся гориллы? – и совершенно адская улыбка возникла на обезьяньей морде. Обнажились огромные белоснежные зубы, розовые десны, и очки из-за новой гримасы поползли куда-то вверх к шляпе.

– Какой кошмар! – произнес Григорий и уставился на ненужное тонкое зеленое перышко на головном уборе мохнатой головы.

– Ну зачем так? Вовсе не кошмар, а очень даже удобно. Так даже проще.

При этом горилла подняла большой палец и стала похожа на какой-то ультрамодерновый рекламный плакат, который всплыл из каких-то обрывков памяти в голове Гриши. Не хватало только курительной трубки в зубах и заложенного платка во внешней карман пиджака.

– Я не курю. Ни трубку, ни сигар. Это очень вредно! Но вот...

Тут обезьяна достала и поправила из нагрудного кармана пиджака желтый платок, оттенок которого очень подходил в тон коричневому костюму.

– Обезьяны никому не нравятся. А причина, Гриша, очень проста, – продолжала свой диалог горилла, губы и челюсть при этом уже шевелились в соответствии с произносимой речью, а очки при каждом слове стали подпрыгивать.

– Они бывают непредсказуемо агрессивны, а это всегда вызывает волнительное напряжение и страх. Этот страх в людях заложен давно.

Генетически.

При этом в слове «генетически» примат сделал акцент на букву «эн». Морда обезьяны вновь оскалилась и стала действительно совсем устрашающей:

– Такова их и наша природа.

Правой лапой обезьяна приподняла на секунду свою шляпу и затем вновь обратилась к прочтению газеты.

Этот бессмысленный диалог уже стал немного надоедать Григорию, и он наконец не выдержал:

– Хорошо. Что на этот раз?

– Ой, – буркнул примат.

Григорий обернулся к двери туда, куда усталилась горилла, но там ровным счетом никого и ничего не было. Когда он повернулся, в мохнатых лапах обезьяны уже не было газеты и исчез куда-то ярко желтый платок:

– Все очень просто. Как и обычно одно маленькое поручение, из необходимых.

И обезьяна стала серьезней. Так в этот момент показалось Григорию. Сейчас вся мимика на ее морде стала более реальной и вполне читаемой. Затем она ловко сложила очки, запихнув их деловито во внешний карман пиджака:

– Ну что, мой друг, ты готов?

Григорий молчал, понимая, что все его планы и будущие дела будут непредсказуемо скорректированы на ближайшее, и главное, неопределенное время.

– Ну и прекрасно! Вперед. Я приготовлю тебе завтрак, а ты давай умывайся и приводи себя в порядок.

Таких активных встреч и таких продолжений ранее никогда не было. Только теперь Григорий почувствовал, что все подобные контакты имеют некоторое развитие. Он принял для себя эту внезапную мысль, сделал глубокий вдох и, повинаясь указаниям, в трусах и все в тех же носках поплелся умываться совершенно ошарашенный.

Только избавимся сразу от ненужных заблуждений. Григорий не был сумасшедшим и вовсе не галлюцинировал этим утром. И все эти странности и метаморфозы с загадочным собеседником нужно, конечно, немедленно разъяснить. Но сделаем это чуть позже, по ходу событий.

В ванной, куда переместился Григорий и где он принимал душ, в его голове вспыхивала маленькой искоркой надежда, что все-таки это был обрывок неприятного сна. А может и вправду галлюцинации из-за того, что дворники покрасили оградку клумбы под окнами ядовитой краской, срок годности которой истек еще в прошлой пятилетке. Что, когда он вернется в комнаты, никаких явлений, кроме собственного отражения в дверце шкафа и металлического привкуса во рту, он больше не обнаружит. Но этого увы, конечно, не произойдет. Хотя оградку действительно покрасили в желто-зеленый цвет, и запах краски действительно слышался даже на третьем этаже и безжалостно проникал через окно квартиры, где проживал Григорий. Это ровным счетом никак не отразилось на физическом состоянии Григория и не повлияло на его центральную нервную систему. И уж совсем никак не выплеснуло из глубин подсознания нелепых животных, которые, даже умея связно разговаривать, всегда его немного раздражали.

На кухне послышался веселый свист, и все надежды рассыпались в дребезги и разом исчезли в водовороте мыльной пены в сливной дырке никелированной ванны. Насвистывался какой-то марш, причем исполнение было идеальным.

«Этого еще не хватало!» – стрельнуло в голове Григория. Все это явно было не случайным и конечно имело какое-то отношение к предстоящим неизбежным событиям. «Ничего

уже не подделаешь», – уже с зубной щеткой во рту, уже с зубной щеткой во рту, без носков и у раковины мысленно сказал себе помытый Гриша.

Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох через нос. В последнее время он часто использовал дыхательные упражнения, чтобы совладать с нервозностью и раздражением, которые стали чаще возникать в его жизни с момента выхода на работу.

Гриша повернул вентиль и обжег лицо ледяной водой. «Ну ладно! Поиграем в эти игры. Уже не в первый раз». Настрой его вдруг стал боевой, и положительные эмоции как-то сами само-собой стали наполнять его изнутри. Выражение лица стало увереннее, несмотря на зубную щетку, которая оставалась во рту. Гриша будто надел боевой шлем, доспехи и свирепую маску самурая, а вокруг трусов появился воображаемый ремень с двумя коротким мечами.

Когда он вошел на кухню, уже в несколько более свежем состоянии, на столе было расставлено и приготовлено все для наслаждения завтраком. Появилась яичница, тосты с хрустящей корочкой и джемом, сосиски и даже ломтики порезанного ананаса. Последнее выделялось особенно, поскольку находилось рядом с заботливо суетящейся обезьяной.

– Я сделал, как ты любишь, – и вновь на мохнатой морде засияли жемчужные зубы.

– Ты хоть шляпу сними, – бойко ответил Гриша.

Обезьяна сняла свою кашемировую шляпу, на которой снова появилось красивое перо:

– Кстати, каждый охотник желает знать, где сидит... Фаза эн!

Григорий не отреагировал на эту фразу, оставаясь все также мысленно в шлеме и с мечами, но все еще натурально в трусах.

И снова гигантская улыбка возникла напротив. Григорий посмотрел на огромные белые зубы, мысленно поморщился, но свою «маску» так и не снял. Только тихо фыркнул и уткнулся в тарелку.

– Итак, – произнесла обезьяна и водрузила обратно на голову свою нелепую шляпу, – конь-то ходит буквой Г?

И на столе появилась черная фигурка безупречно блестящего черного шахматного коня.

Глава V

Первая встреча

– А конь ходит буквой Г, Гришка!

Двое мальчиков сидели на полу в гостиной перед шахматной доской. Гриша с любопытством рассматривал шахматные фигуры и трогал каждую поочередно. Все они были деревянные и очень гладкие. Сами фигуры были выполнены из дерева путем станочной обработки. Белые были просто покрыты толстым слоем лака, через который хорошо просматривалась неповторимая фактура древесины, а черные были настолько черные и блестящие, что в их покрытии отражалась вся комната, да и вся вселенная с ее необъятной математической мудростью, которая была заложена в эту игру.

Фигуры были увесисты, поскольку внутри у основания находился свинцовый цилиндр, и уверенно стояли на игральной доске. При этом у каждой снизу была мягкая бархатная наклейка, которая не только не царапала поверхность игрового поля, но и делала передвижение фигур тихими и рассудительными. Выбивались из этой великолепной гармонии только лошадиные представители. Фигурки коней были сделаны из гладкой пластмассы и насаживались на блинные деревянные основания. Причиной этого, вероятно, послужила технология изготовления. Изогнутую лошадиную морду никак нельзя было выточить на токарном станке. Белые кони смотрелись неинтересно, поскольку белая пластмасса сильно отличалась от фактуры древесины, а вот черные фигуры были на редкость хороши. Их глянцевая поверхность очень плавно переходила в деревянное основание и придавала этим фигуркам особенную значимость.

Именно такой черный конь и привлек внимание одиннадцатилетнего мальчика Григория, который изучал основы шахматной игры со своим школьным приятелем Пантелеем Цветковым.

Гриша брал поочередно фигурки, а Пантелей объяснял правила их перестановки и соответствующее предназначение в древнейшей игре на земле.

– Вот так ходит, – и Пантелей передвинул коня, нарочно проводя его по изогнутой траектории.

– Понял? Буквой Г.

– Покажи еще раз, – попросил Григорий.

И конь совершил перемещение на исходную позицию по той же изогнутой, но уже обратной траектории.

– Постой. То есть конь просто перемещается из этой клетки в эту?

На три вверх и одну в сторону? – полюбопытствовал Гриша.

– Да, именно так, – подтвердил его одноклассник и лучший друг.

– А почему тогда буквой Г, а не, например, змейкой?

И Гришка очертил траекторию фигурой коня в клеточном поле размером три на два извилисто, заполняя все клетки.

– Ну это же не змея. Да и запоминается так проще, – Пантелей задумался и добавил, – и на доске так понятнее.

Гришка улыбнулся и, не выпуская коня, схватил фигуру слона, на которой почему-то была сделана грустная засечка в виде перевернутой улыбки.

– А это слон! – перехватил фигуру Пантелей.

– Ребята, вам пора в школу. Занятие начнутся через двадцать минут. Собирайтесь, а то опоздаете, – вдруг неожиданно на пороге комнаты возникла улыбающаяся мама Пантелея и прервала увлекательнейший урок.

Мальчики тут же заторопились, смахнули фигуры с доски и стали укладывать их в перевернутую шахматную доску, которая была соответствующим образом так устроена.

– Пантелейка, подойди! – ласково позвала из соседней комнаты мама Гришиного приятеля.

Тот быстро вскочил и побежал на призыв.

Обрывками из соседней комнаты доносились фразы: «не задерживаться», «обязательно перекуси», «посмотри, тут котлеты», «все еще рано темнеет» – и прочие наставления, заботливые родительские просьбы и рекомендации.

За время, пока Пантелею что-то объясняли, Григорий собрал все шахматные фигуры, закрыл доску, взял свой портфель и направился в прихожую к выходу. Его приятель уже был на пороге, и они оба стали торопливо одеваться. И только в момент, когда Григорий засунул левую руку в рукав своего серого пальто, он вдруг ясно осознал, что фигура черного коня все еще находится в его крепко зажатом кулаке. Ему вдруг стало очень и очень неловко, и он в какой-то неожиданной для себя растерянности, не найдя ничего лучшего, быстро спрятал фигурку в накладной карман, где комочком лежала правая рукавица.

Первой мыслью, промелькнувшей у Гриши, была: «Надо побыстрее надеть остальные вещи: шапку, шарф, ботинки – и, подкараулив момент и подходящее место в прихожей, незаметно выложить случайно похищенного коня». Но место оказалось неудачным, и Пантелей, получив изрядную помощь со стороны матери, уже полностью экипированный и готовый идти, устался на Гришу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.